

Водная тюрьма Павильона Слушающего Дождя расположена в пещере за горой Цюнхуа, в самой низине, где на илистой почве кишат змеи, крысы и прочая ядовитая нечисть.

Именно там, на кресте посреди темного водоема, был распят Янь Гу.

Янь Гу был старым слугой, приближенным к отцу Цинь Юйчжэна. Видя, как жестоко обходятся с ветераном дворца Цюнхуа, остальные обитатели дворца не смели даже пикнуть, хотя в сердцах многих поселился страх. Смелчаки поговаривали: характер у главы дворца переменчивый, он ни во что не ставит старших и считает заслуженных людей муравьями. Какой смысл служить такому человеку, если после использования он все равно тебя прикончит? Цинь Юйчжэн — нечестивец, лишенный сыновней почтительности и верности.

Цинь Юйчжэн в черном халате с темным узором и накидке из меха черной лисицы неспешно спускался по каменным ступеням.

Одежда на Янь Гу превратилась в лохмотья, обнаженная кожа была покрыта кровавыми полосами, а воздух пропитался густым запахом гнили и крови.

Старейшина Духо, следовавший за Цинь Юйчжэном, доложил:

— С тех пор как его заперли здесь, мы отвечаем ему по сотне ударов костяным кнутом ежедневно. Я даю ему настой лозы Ула — он не умрет, но мучения будут невыносимыми. Даже если он теряет сознание, внутри костей ощущается такая боль, будто их грызут тысячи насекомых. По ночам мы лечим его раны, чтобы он не отдал концы раньше времени.

— Хорошо поработал, — голос Цинь Юйчжэна был пропитан холодом.

Духо склонился в поклоне, поглаживая белую бороду.

Сделав еще несколько шагов, Цинь Юйчжэн внезапно замер. Его высокая фигура, освещенная пробивающимся в пещеру лунным светом, казалась пугающе одинокой.

— Эту отраву... Цзин Мо принимал? — голос Цинь Юйчжэна стал глухим. При мысли о подобной возможности его сердце ушло в пятки, а в груди стало невыносимо тесно.

У старейшины Духо задергалось веко. Лгать он не смел, ведь Цзин Мо прожил у него больше года, перепробовав все мыслимые яды. Большинство из тех, что были у них сейчас, прошли проверку именно на нем.

На лбу Духо выступил холодный пот, и он заикаясь ответил:

— Когда мы только создавали этот яд... Цзин Мо действительно его пробовал... Господин, это...

В глазах Цинь Юйчжэна мелькнула боль, он зажмурился, пытаясь подавить невыносимое страдание.

После перерождения он старался избегать этих воспоминаний, полагая, что если возьмет судьбу в свои руки, то прежних страданий удастся избежать, а Цзин Мо будет под надежной защитой. Но он забыл. Забыл совершенно.

Нынешний Цзин Мо искренне привязан к нему, но при этом до смерти боится. В его глазах часто читается затаенный, нескрываемый ужас. Каждая крупинка прошлой боли навеки въелась в его кости, и стереть это невозможно.

Цинь Юйчжэн опустил взгляд, его губы, плотно сжатые в линию, вдруг дрогнули в горькой усмешке. Его охватила ярость: если уж ему дали шанс переродиться, почему не раньше? Лучше всего — в день их первой встречи. Тогда он смог бы укрыть маленького Цзин Мо за своей спиной, не позволив коснуться никакой тьме. Ему не пришлось бы притворяться сильным и рассудительным. Он бы позволил ему вырасти беззаботным, плакать, когда больно, и требовать утешения, просить сладости и звонко называть его братом...

Но теперь все это в прошлом.

В носу защипало, глаза покраснели.

Кстати, о первой встрече — когда именно они познакомились?

При этой мысли голову Цинь Юйчжэна пронзила острая боль. Он схватился за виски, в его сознании вспыхивали обрывки сцен, в которых безликие фигуры скалились в жутких улыбках.

— Ссс...

Духо, до этого сгорбившийся, поднял голову, почувствовав неладное.

— Господин, что с вами?

Цинь Юйчжэн яростно замотал головой, пытаясь отогнать наваждение, но это не помогло. Рассудок помутился, на лбу проступил холодный пот. В полузабытьи он увидел улыбающегося ребенка, который отдалялся все дальше и дальше, пока не исчез совсем.

— Господин? Господин! Господин!

Старейшина Духо засуетился, не зная, что предпринять. Он умел создавать яды, но не был врачом. Однако прежде, чем он успел что-то придумать, Цинь Юйчжэн пришел в себя.

Опустив руки, он выпрямился, лицо его стало ледяным, а воздух вокруг словно стал еще холоднее на несколько градусов.

— Сколько видов ядов ты давал Цзин Мо? Подготовь мне по порции каждого из них.

Взгляд Цинь Юйчжэна был ясным, он словно полностью пришел в себя. Не дожидаясь ответа, он широким шагом двинулся вглубь подземелья.

Духо застыл, осознав, что именно потребовал господин, и судорожно вдохнул. Он не смел этого делать... Зачем господину эти яды? Неужели он собирается скормливать их ему? Не может быть!

Янь Гу, измученный нечеловеческими пытками, потерял сознание. Духо подошел и окатил его ведром холодной воды. Старик очнулся с низким стоном, его спутанные волосы свисали на лицо, а вокруг стоял тошнотворный запах крови.

Цинь Юйчжэн, безупречно чистый и опрятный, стоял на каменном полу, глядя на распятого сверху вниз с нескрываемым презрением, словно на насекомое.

— Даю тебе время, пока догорит палочка благовоний. Если не скажешь то, что я хочу услышать, сегодняшняя порция кнутов удвоится.

Янь Гу, подавляя стоны боли, поднял мутный взгляд на Цинь Юйчжэна.

— Увидеться с вами теперь, господин, и впрямь непросто.

— У меня нет времени на пустую болтовню, — холодно отрезал Цинь Юйчжэн.

— Но вы все же пришли, Цинь Юйчжэн. Вы проиграли, — Янь Гу издал сухой, неприятный смешок.

Цинь Юйчжэн остался невозмутим.

— Что ты хочешь сказать? О Цзин Мо?

Цинь Юйчжэн промолчал.

Янь Гу, надрывая горло, закричал:

— Я не понимаю, как ты, потеряв память, сошелся с ним? Какая же это злая судьба!

Взгляд Цинь Юйчжэна стал ледяным, в воздухе сгустилась невидимая аура убийства.

Он всегда был человеком холодным и бесчувственным. Кроме Цзин Мо, его не интересовала чужая жизнь. Даже к самому Цзин Мо он поначалу был равнодушен. В прошлой жизни он смотрел, как над тем измываются, как льется его кровь, как угасает его дыхание — это вызывало в нем лишь мимолетное волнение, и не более.

Но после перерождения он вдруг захотел изменить свою жизнь, захотел прикоснуться к тому теплу. И только тогда он осознал, что обязан защитить Цзин Мо — свой единственный свет.

— Янь Гу, ты знаешь, почему я так мучаю тебя?

Янь Гу, прищурившись, внимательно слушал.

Цинь Юйчжэн слегка изогнул губы в странной улыбке.

— Я никогда не понимал людских чувств, я — монстр. О какой человечности можно говорить с чудовищем?

Духо, стоявший в углу, широко открыл глаза.

Янь Гу на мгновение замер, а затем разразился безумным смехом.

— Ты монстр! Но ты влюбился в этого низшего теневого стража! И что это значит?!

— Даже монстры боятся холода, Янь Гу. Ты не должен был трогать его!

Янь Гу, обезумев от ярости, выглядел устрашающе.

— Цинь Юйчжэн! Ты бросил блестящее будущее ради связи с каким-то ничтожным стражником! Ты хоть понимаешь, насколько ты глуп?!

Цинь Юйчжэн вздохнул и равнодушно посмотрел на него сверху вниз.

— Янь Гу, то, что я позволяю тебе жить до сих пор — уже величайшая милость. Ты был предан моему отцу, который давно мертв, и все эти годы продолжал служить ему. Эта верность — единственная причина, по которой я когда-то проявил к тебе снисходительность. Но это не охранная грамота.

— Что ты имеешь в виду? — Янь Гу внезапно почувствовал странную тревогу.

Цинь Юйчжэн рассмеялся, и этот жуткий смех разнесся по всей тюрьме.

— Мой отец был стар, к тому же он был отравлен ядом, пронзающим дух, который даже Повелитель Ядов не мог исцелить. Его дни были сочтены. А в последней поездке на гору Мусюэ он попал в засаду и погиб вместе с Повелителем Ядов и главой теневых стражей Юань

Лицю.

— И что с того? — Янь Гу дрожащими губами смотрел на него.

— На теле моего отца было полно следов от мечей и ножей. Ужасная смерть, не правда ли? Наверное, месть врагов? — Цинь Юйчжэн продолжал улыбаться.

— Что ты хочешь сказать?! — заорал Янь Гу, срываясь на крик. Его руки, скованные цепями, отчаянно дергались, звеня железом.

— Янь Гу, скажи мне, почему вы тогда уничтожили меридианы Цзин Мо? Или, иначе говоря, почему вы не убили его? Ты так ненавидел его, что не должен был оставлять в живых. Почему? — голос Цинь Юйчжэна был ледяным.

— Ты блефуешь? — Янь Гу впился в него налитыми кровью глазами.

Улыбка Цинь Юйчжэна стала шире.

— Расскажи мне, что тогда произошло, и я скажу тебе истинную причину смерти моего отца.

Янь Гу замер.

— Твой отец не был убит теми людьми?

Цинь Юйчжэн ждал, его взгляд был полон уверенности.

Янь Гу тяжело вздохнул и проговорил:

— Вы с Цзин Мо познакомились в детстве. Каким ты был тогда? Ха-ха, возможно, однажды вспомнив, ты сам все поймешь. Но Цзин Мо был твоей слабостью. Как будущий глава дворца, ты не мог иметь таких привязанностей. Если бы мог, я бы убил его еще тогда. Это твой отец проявил мягкосердечие, решив оставить его в живых, лишь лишив его боевых искусств, чтобы он мог остаться во дворце Цюньхуа. Цинь Юйчжэн, если в тебе есть хоть капля совести, ты не должен был оставлять смерть отца без отмщения!

— Моя слабость? — Цинь Юйчжэн задумался.

Почему же в его памяти не осталось ни единого следа? Неужели яд, поглощающий душу, так сильно повлиял на него?

— Мягкосердечие? В твоих глазах мой отец был милосердным человеком?

Цинь Юйчжэну хотелось смеяться, но он был благодарен отцу. Он даже был готов поклониться ему за то, что тот проявил «мягкосердечие» и сохранил Цзин Мо жизнь. По щеке Цинь Юйчжэна скатилась слеза.

Янь Гу, выплеснув ярость, тяжело дышал.

— А теперь я скажу тебе: этот монстр своими руками убил собственного отца, и даже после того, как искромсал его на куски, ему было мало, — Цинь Юйчжэн произнес это с отравленным наслаждением.

Духо, стоявший рядом, хотел закрыть уши, но было поздно.

Янь Гу смотрел на него с неверием.

— Цинь Юйчжэн, ты безумец! Монстр! — закричал он в исступлении.

Цинь Юйчжэн оставался спокойным. Каким он был раньше, он не помнил, но, как сказал Янь Гу, возможно, только вспомнив все, он узнает, кем был на самом деле.

Янь Гу продолжал осыпать его проклятиями, пока его пересохшее горло не начало кровоточить. Он был верной собакой отца Цинь Юйчжэна, это было неоспоримо.

Цинь Юйчжэн стоял неподвижно, слушая эти проклятия. Он невольно задумался: неужели он действительно был таким бессердечным предателем? Действительно ли он монстр без сердца?

Убить собственного отца... как такой человек может продолжать жить?

Подумав об этом, Цинь Юйчжэн внезапно рассмеялся.

Монстр или безумец — это все он. Он всегда был грязным, жестоким и безжалостным. Разве в таком месте, как дворец Цюньхуа, где царят строгие иерархии и жестокие испытания, можно воспитать будущего главу с добрым сердцем?

Когда Янь Гу наконец выдохся, Цинь Юйчжэн равнодушно произнес:

— Если хочешь знать всё, живи в мучениях. Ты должен заплатить за то, что причинил вред Цзин Мо. Если когда я вспомню всё, ты еще будешь жив, я лично расскажу тебе, как именно я медленно расправился с твоим обожаемым господином.

Янь Гу не мог произнести ни слова, лишь гневно смотрел на него, проклиная самыми страшными словами.

Цинь Юйчжэн, потеряв интерес к разговору, развернулся и ушел. Духо, весь в холодном поту, поплелся следом.

Цинь Юйчжэн шел к дворцу Линсяо в одиночестве, а Духо следовал за ним, переполненный страхом. Он узнал слишком много, и теперь боялся, что господин захочет убрать свидетеля.

Цинь Юйчжэн внезапно остановился перед обрывом. Духо замер, сердце его бешено колотилось: неужели господин убьет его здесь?

— Достоин ли такой человек, как я, спасения?

Духо, опешив, не знал, что ответить.

— Господин, вы — глава дворца, ваша власть безгранична, никто не смеет вам перечить.

Цинь Юйчжэн промолчал.

Ночь была холодной, ветер завывал в лесу. Цинь Юйчжэн простоял так долго, что его тело остыло до ледяного состояния. Духо, перестав бояться, понял: если бы господин хотел его убить, он бы уже это сделал.

— Пойдем назад.

Цинь Юйчжэн двинулся с места, Духо покорно последовал за ним.

— То, что произошло сегодня, должно умереть вместе с тобой. Если проговоришься — умрешь быстро.

Духо поспешно ответил:

— Я понимаю, господин.

Цинь Юйчжэн улетел прочь, оставив Духо вытирать холодный пот.

Вернувшись во дворец Линсяо, Цинь Юйчжэн слышал торопливые шаги.

— Господин! — Цзин Мо выбежал навстречу, его лицо выражало глубокое беспокойство. Увидев, что господин в порядке, он заметно расслабился.

Видя, что Цзин Мо здоров, Цинь Юйчжэн расслабился и, улыбнувшись, укутал его в свою накидку. Прикоснувшись к нему, он почувствовал, что тело Цзин Мо холоднее льда.

— Цзин Мо, ты опять не слушаешься.

Цзин Мо, прижавшись к широкой груди господина, чувствовал вибрацию его голоса. Он виновато опустил голову.

— Простите, господин, я просто... просто...

— Просто что? Говори прямо! — Цинь Юйчжэн, нахмурившись, завел его внутрь, где было тепло от печи.

— Я боялся, что если уйду в комнату, то не увижу вас сразу. Господин, старейшина Янь Гу очень опасен.

В глазах Цинь Юйчжэна отразилась боль.

— Дурачок, вечно заставляешь меня злиться... Неужели я нуждаюсь в твоём беспокойстве?

Цзин Мо подумал: ведь господин намного сильнее его, разве он может нуждаться в защите? Но он ничего не мог с собой поделать — он боялся не успеть к господину, если тот будет в нём нуждаться.

— Господин, я больше не буду, — тихо сказал Цзин Мо.

Цинь Юйчжэн смягчился, нежно коснувшись его покрасневших от холода щек, и обнял его.

— Господин... — Цзин Мо с недоумением смотрел на него.

— Цзин Мо, ты правда не ненавидишь меня? — Цинь Юйчжэн спросил это с тревогой, желая снова и снова слышать ответ.

— Нет... господин... — Цзин Мо попытался отстраниться, чтобы ответить искренне, но Цинь Юйчжэн сжал его в объятиях еще крепче, так, что стало трудно дышать.

— Не уходи... — от Цинь Юйчжэна исходил такой страх, что Цзин Мо замер. Он понял: в этот момент он нужен господину. Очень нужен.

— Я не уйду... — твердо произнес Цзин Мо.

Цинь Юйчжэн закрыл глаза, пытаясь подавить охватившую его панику. Он убеждал себя: Цзин Мо не уйдет. Он никогда его не бросал. В прошлой жизни и сейчас — Цзин Мо всегда был рядом. В его планах не было предательства.

— Я буду следовать за вами вечно. В этой жизни и в следующей. Пожалуйста, будьте спокойны.

Услышав этот чистый голос, Цинь Юйчжэн наконец обрел покой. Из его глаз скатилась слеза.

<http://bllate.org/book/20927/2118365>